

Более полувека не утихают страсти вокруг усыпальницы наследника Мономаха в киевском храме Спаса на Берестове, где, согласно летописному преданию, были погребены в 1157 году останки Юрия Долгорукого, якобы отравленного во время пиршественного застолья.

На это указывает в своей «Истории государства Российского» придворный историк Николай Карамзин. Великий князь Георгий, или Юрий Владимирович, прозванный Долгоруким, не унаследовал добродетелей великого отца, не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономаховому племени... В борьбе за власть он реками проливал кровь своих соотечественников.

И не удивительно, что в 1947 году аккурат к 800-летию Москвы, которую якобы основал сей князь, о нем вспомнил вождь всех времен и народов Иосиф Сталин. Расчистили тогда этот заброшенный храм, чего-то там поковыряли и установили памятный камень — по виду напоминающий древнерусский саркофаг.

В 1992 году «ВЕДОМОСТИ» опубликовали рассказ о том, как спустя почти полвека киевский археолог Виктор Харламов вскрыл эту усыпальницу и обнаружил древние останки пожилого мужчины. Сенсация облетела весь научный мир. К идентификации останков Юрия Долгорукого и восстановлению его облика подключился известный украинский антрополог Василий Дьяченко, кстати, автор запрещенной в свое время книги «Украинцы» — о национальном этносе. Тогда же из Москвы по этому поводу прислали что-то вроде запроса, в котором просили разъяснить суть открытия. Как говорится, не врубились.

Ну, а затем произошло то, что могло произойти только у нас. Великокняжеские косточки со следами подагры и остеохондроза — бурно все-таки жил князь, сложили в казенное эмалированное ведро и закрыли крышкой, а сбоку повесили бирочку с инвентарным номером. И затерялось то ведро среди тысяч других неведомых общественности экспонатов в подвальном мраке Трапезной церкви Киево-Печерской лавры.

В 2008 г. в СМИ появились сообщения, что древние кости теперь хранятся в коробке, причем принадлежат они отнюдь не этому князю, да и Москва, мол, существовала задолго до него. В российских изданиях основателя Белокаменной называют только суздальским князем, забывая указать его киевские корни.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Приди же ко мне, брате, в Москов». Сказано это было шестым сыном киевского князя Владимира Мономаха в 1147 году. Звал он Святослава Ольговича, дабы, объединившись, выбить из Киева Изяслава Мстиславовича, внука Владимира Мономаха, и восстановить древний порядок наследования киевского престола.

Порядок сей состоял в том, что после смерти великого киевского князя престол наследовал не сын его, а следующий по старшинству брат. Младшие же братья при этом передвигались из дальних уделов в ближние к Киеву княжества.

При такой системе Юрий, еще зеленым юношей посаженный отцом в Ростовско-Суздальскую землю и проработавший там около сорока лет, имел шансы стать великим князем киевским. И очень стремился в Киев — собственно, и прозвище Долгорукий получил за то, что старался дотянуться до него из своего северо-восточного удела. И престол был уже близко, но княживший в Киеве старший брат Юрия — Мстислав Владимирович — вдруг посадил в ближнем к стольному граду Переяславле своего сына. С этого и разгорелась череда междоусобных войн. В качестве наемников враждующие стороны приводили и венгров, и богемцев, и поляков. Юрий Долгорукий больше союзничал с половцами, поскольку отец в свое время женил его на дочери половецкого хана. К слову: второй женой Долгорукого была то ли сестра, то ли дочь (историки еще не разобрались) императора Византии.

Юрий Долгорукий дважды восседал в Киеве. Сначала в 1149 году, но уже в 1151-м потерпел поражение от племянника — Изяслава Мстиславовича. Спустя три лета Долгорукий вновь вступает в Киев, но уже без боя, в результате политических договоренностей. Это был его триумф и осуществление многолетней мечты. Обустроился он по-настоящему, окружив себя своими сыновьями (от двух жен у него было 11 сыновей и две дочери), посадив их в ближайšie к Киеву города — по сути,

поправ то древнее правило, которое столько лет отстаивал.

Но тешился Киевом Юрий недолго. Через два года, после пира в доме знатного киевского боярина Осмянника Петрилы, князь ночью занемог, проболел пять дней и умер. Хоронили его

16 мая, и, как свидетельствует летописец, в тот день случилось много зла: киевляне разграбили двор Юрьев и другой его двор за Днепром, который он сам звал «раем», также двор его сына Василька в городе, перебили суздальцев по городам и селам, а имущество их разграбили. Даже тело Юрьево киевляне не разрешили похоронить рядом с телом его отца Мономаха, и Юрий был погребен в церкви Спаса на Берестове.

Вот такая ирония судьбы — жизнь положить ради киевского престола, оказаться тут нелюбимым и войти в историю как лучший устроитель суздальских земель, в том числе основатель Белокаменной.

[Киевские ведомости](#)